

Алексей Небыков

Русский прозаик, просветитель, главный редактор портала «Печорин.нет». Родился на острове Сахалин, живет в Москве. Аспирант Литературного института им. А. М. Горького. Финалист премий имени Фазиля Искандера (2018, 2023) и Александра Чаковского (2023). Автор изданной книги рассказов. Публиковался в изданиях: «Роман-газета», «Нева», «Москва», «Дон», «Литературная газета» и других. Член Федерации альпинизма России. Руководитель творческих экспедиций в горы Килиманджаро (2019), Эльбрус (2021, 2023), Пик Раздельная (2022), Пик Ленина (2023). Записи авторских чтений находятся на хранении в Российском государственном архиве фотодокументов.

Папа в рисунках и прозе

(рассказ-столкновение)

Сереза всегда немного рассерженным приходил с занятий. Школьные уроки привычно заканчивались заданиями на дом, и мальчик до самого позднего вечера не мог отдать самого себя безделью и делам приятным, пока не разбирался с точными задачами, не всякий раз любопытным чтением, утомительным переписыванием иностранных слов в тетрадь и многим другим, тягомотным и монотонным. А там уже возвращался с работы папа, и тогда обстановка в квартире становилась праздничной, непредсказуемой, и совсем не хотелось заниматься уроками.

В этот раз Сереза был рассержен больше обычного. Учитель ко Дню защитника Отечества дал непростое задание: изобразить папу в рисунках или в прозе, представить милый облик родителя всему классу на белоснежной бумаге красками-мазками, фломастерами-линиями или

чернилами-словами. А сделать это, ничего не выдумывая, было Сереже непросто. Одно дело, когда праздник у тебя дома, за стенами, не на виду, и совсем другое, когда он выплескивается другим, непонятливым, напоказ...

Отворив входную дверь, мальчик удивился столь раннему приходу папы. Тот в верхней одежде и обуви старательно выискивал что-то по углам квартиры с сигаретой в зубах.

— Двойку принес?! — громко обратился к Сереже папа и замахнулся, чтобы отвесить сыну целебную, по его убеждению, плюху.

«Нет, папа, нет! Сегодня я принес две пятерки!» — хотелось закричать Сереже в ответ, но ни двоек, ни отличных оценок сегодня в дневнике не было, а про тройку по ОБЖ он решил папе не говорить, и лишь закрутил головой в разные стороны.

— Нет, так нет, мамкин бабень. Я в твоём возрасте каждый день лебедей таскал... — заулыбался отец и стал трепать Сережу за волосы. — Давай ключи! Не могу свои найти. У нас с ребятами сегодня сбор. Будем, Серега, достигать совершенства в искусстве неистовой защиты от повседневности! Ты же знаешь, какой теперь праздник? Ну, и еще чтобы испытать этот мир и его крепость, оставить по себе следы! — громко засмеялся папа. — Буду поздно, маме сам позвони, — и он, потушив в пепельнице, дымящейся от окурков, изжеванную сигарету, выскочил из квартиры.

«Так, наверное, можно и написать про папу... — придумывал про себя Сережа под звуки проворачивающегося замка. — Такая и будет у меня подпись, а ниже его нарисую...» — и мальчик побрел в свою комнату, сняв кроссовки и повесив куртку на крючок в прихожей.

В детской он поставил на пол рюкзак и, достав с полки широкий чистый лист рисовальной бумаги, сел на диван, где стал неспешно выводить на ватмане слова фломастером: «Мой Папа изучает мир, не ленится и достигает совершенства. Участвует в важных собраниях и поздно возвращается домой». Задание, показавшееся Сереже сперва сложным, теперь нашло крепкую в его сознании уверенность в своем скором разрешении.

Мальчик разложил разноцветные фломастеры и стал по памяти рисовать кухню — любимое место папиного вечернего пребывания. Сначала буквой «Г» Сережа изобразил навесные шкафчики янтарного цвета, под ними — вечно забывающуюся отходами мойку и исцарапанную, мышиного цвета столешницу, тостер с одной неработающей спиралью, у окна — дребезжащий без конца холодильник, а на его боку — закрепленный магнитом «Календарь пробуждений». Это было мамино изобретение, с квадратными окошками, в которых были приклеены стике-

ры из жвачек, и каждое утро Сережа указывал на одну из наклеек, чтобы мама или обняла, или поцеловала его, или призналась в одном из многих чувств, о которых без конца говорили изображенные на стикерах мальчик и девочка. Сережа не забыл оставить одно из нарисованных окошек календаря свободным — он все надеялся однажды наклеить туда подходящую картинку с изображением детей с родителями, чтобы по выходным привлекать к ритуалу и папу, но пока не находил нужную и поле оставалось пустым.

Зазвонил Сережин телефон. Это была мама, но мальчик не слышал звонка: аппарат всегда утром переводился в беззвучный режим, и теперь беспокойно вибрировал в куртке, стучаясь и ударяясь о навесную полку для мелочей в прихожей. Не дождавшись ответа, мама пожаловалась автоответчику про ночное дежурство и предупредила, что будет нескоро, разрешив Сереже до десяти не спать. Запись маминих слов сообщением пришла на телефон, еще один виброудар случился по полке, и разлетелись искрящимися звездами окурки, беспорядочно рассыпаясь из перевернутой пепельницы на ворсистый ковер при входе.

Закончив с обстановкой, Сережа теперь рисовал папу. Черные, средней длины волосы, убранные за уши, всегда подвижный, раскачивающийся в разные стороны, точно двоящийся в глазах торс в непрменной рабочей рубашке с расстёгнутым воротом, растянутом галстуке и примятом пиджаке. Папа всегда старался выглядеть солидно и часто даже на ночь ничего из одежды не снимал, переодеваясь лишь утром.

Затем Сережа нарисовал под столом две бутылки с прозрачной жидкостью, а на столе еще одну, но уже полупустую, рядом с ней ограниченный стакан Мухиной, которую папа хвалил не только за полезное изобретение, но и за умелую переделку памятника двум афинским борцам с традицией в монумент, посвященный здоровым нравам и крепкой семье рабочего и колхозницы. Еще Сережа изобразил на столе румяное яблочко, ракушку для раковых, как их называл папа, палочек и папины командирские часы. Лицо родителя окружали желтые лучи праздничного сияния, а из папиного приоткрытого рта вылетали: песня, радость, веселье...

Сережа хотел уже отправиться на кухню и перекусить, но, взглядевшись еще раз в рисунок, решил его перерисовать: остался недоволен работой. Да, папа очень жизнерадостный человек, но за такой портрет одноклассники точно могут начать дразниться...

«А может, поставить в бутылки разноцветные герберы, а в ракушку положить мармеладных мишек и вафельные трубочки?.. Или приоткрыть форточку на рисунке и напустить к папе тумана, такого же пахучего и невесомого... как сочащийся почему-то из-под моей двери...» — наду-

мывал себе Сережа, озадаченно разглядывая комки дыма, проникающие из коридора в его комнату.

Мама возвращалась домой на такси. После дежурства работникам предприятия фирма оплачивала машину, и она, прикачавшись в московских пробках, изумленная нарядной праздничной подсветкой, георгиевскими лентами разных размеров, флажками-звездами, вымпелами-кораблями, ненадолго уснула.

Ей снилось, что она дозвонилась до Сережи, и он стал рассказывать, как провел день. Затем упомянул про папу, его встречу с друзьями и школьное задание. Потом мальчик рассказал маме про пожар и про едкий дым, проникающий в комнату из-под двери, а еще про неприятный запах гари, от которого хочется все время кашлять. Сережа уверял, что не боится, и намерен ползти, прижавшись к полу, до самой входной двери, натянув на себя плотное одеяло, укрыв дыхательные пути смоченной в аквариуме футболкой, как рассказывал им учитель основ безопасности.

Мама спокойно слушала Сережу, совсем не беспокоилась за него и не спешила звонить в службы, поздравляя сына с тем, что он все делает правильно. Не боялась она и тогда, когда Сережа добрался до входной двери в их квартиру и вспомнил, что отдал ключи папе, а барашек, открывающий дверь изнутри, давно уже был сломан. Сережа плакал и шаркал руками по полу в поисках не пышущего жаром угла и, в конце концов, своими маленькими пальчиками нащупал выроненные папой ключи. Сжав в кулачке ненаглядную связку, он, крича от нечаянной радости, вдруг заголосил:

«Правду, мама, говорят, что мир начинается с колыбельной песни, а кончается материнским...».

Тут мама пробудилась внезапно от страшного сна, а еще от резкой остановки автомобиля.

— Ближе никак! Пожар... смотрите, как валит изо всех окон, — обратился к маме водитель.

И бежала она, позабыв обо всем на свете, разметавшись в крике, словно в бреду, и только слезы дрожали безмолвно в ее глазах... до тех самых пор, пока не разглядела среди возбужденной толпы, столпившейся у подъезда, маленького, измазанного сажей мальчика, завернутого в одеяло...

Тая

Не беспокойтесь, что не сумеете умереть: сама природа, когда придет срок, достаточно основательно научит вас этому; она сама все за вас сделает, не занимайте этим своих мыслей...

Мишель де Монтень

1.

Тая покидала родительский дом — такой теплый и знакомый когда-то, а теперь окончательно опустевший. Первым его оставил отец, потом уехала Тая, а теперь навсегда ушла и мама. Дождь стучал в окна такси, увозившего Таю на свидание, которого, как оказалось, она ждала долгие годы.

Дом начнут освобождать от вещей на следующей неделе: чужие руки что-то выбросят, что-то кому-то продадут, а то, что она захотела сохранить, перевезут в другой город, в ее затерявшуюся далеко от родных мест квартиру. Все самое важное она сложила в небольшую коробку и забрала с собой: семейные фотографии, памятные безделушки, любимые книги отца, личные украшения матери и письма родителей, о существовании которых она не подозревала и которые сильно возмутили ее чувства, нарушив привычный порядок вещей.

Трудно сказать, действительно ли мама хотела, чтобы Тая нашла и прочла эти письма. Но судьба распорядилась так, а не иначе. Разбирая библиотеку отца, Тая открыла наугад его любимый роман — тот, который они много раз читали вместе, и вдруг из него выпал плотный конверт, подписанный рукой матери: «Моей дочери, Тае. Если ты нашла это письмо, значит, тебе суждено все узнать. Открой его, не теряя времени!»

Тая поставила книгу на место, затворила шкаф и начала читать. Но сердце ее так сильно колотилось, что она долгое время не могла понять написанного, перечитывала строки вновь и вновь, закрывала письмо с тем, чтобы в очередной раз открыть его. Письмо поразило ее, вот оно:

«Тая, милая моя, как начать это письмо, скоро ли ты его прочтешь, да и обнаружишь ли когда-нибудь? Что бы ни случилось, помни: все светлое и живое в моем сердце связано с тобой. Ты — мое счастье и гордость, все смыслы моей жизни сводятся к тебе. Лишь одно омрачает мысли мои, не дает покоя... Много лет храню я тайну, и тяжело писать мне это письмо...

Ты помнишь, как уезжал отец — по срочному делу, на неделю, а потом я сказала, что он погиб и больше не вернется. Знай, это не так, — он жив, и, может быть, будет жив еще, когда ты прочтешь письмо...

Бывает, Тая, принимаемые решения кажутся нам правильными, а затем мы сожалеем о них, считая ошибкой. Мы думаем, что заботимся о близких, тогда как на самом деле калечим их. Неправду об отце я не извиняю, но чувство долга перед твоим будущим пересилило во мне душевную слабость, и я скрыла истинные причины его отсутствия, чтобы не терзать тебя несбыточной надеждой. Ведь всегда проще стерпеться с утратой необратимой, чем вынужденной. Я думала, что расскажу тебе все со временем, но годы шли, и мне так и не хватило мужества признаться во всем, я так боялась ранить, разочаровать тебя... И даже сейчас, когда пишу эти строки наедине с собой, руки мои дрожат, а сердце сжимается.

Ты давно оставила меня, и вряд ли найдешь это письмо раньше, чем я уйду навсегда... А я, покидая этот мир, буду помнить, что открылась перед тобой, и верить, что ты меня простишь. В конверте ты найдешь письмо от отца, в нем все ответы, вся любовь к тебе, вся нежность и ласка. Прочти его. Местами оно покажется необычным, странным, но я надеюсь, что ты сможешь понять и простить меня, отца, нас. Люблю тебя бесконечно, мама...»

Тая была ошеломлена. Она едва смогла успокоиться. В конверте она нашла желтые, слежавшиеся, сложенные вчетверо исписанные листы бумаги. Она растерянно держала их в руках и не решалась развернуть... Наконец Тая отделила слипшиеся листы друг от друга. Видно было, что их часто перечитывали: выцветшие чернила местами расплылись от слез. Тая начала читать. Пробежав глазами несколько страниц, убрала письма в коробку с вещами родителей, вызвала такси и поехала туда, где был сейчас ее отец. Минуты, отделявшие ее от встречи с ним, казались теперь бесконечными.

Такси аккуратно пробиравалось через город, дождь скучно монотонил, а Тая читала письмо отца, не замечая ничего вокруг.

«Тая, милая, прости меня! Знаю, что обещал звонить, когда уезжал, обещал вернуться. Слова мои остались просто словами, обещания нарушены, а надежды твои обмануты...

Как ты? Как живешь без меня? Спрашиваю и понимаю, что ответа не будет, что подробности твоей жизни никогда не станут мне известны, но знаю, что ты преуспеешь и будешь счастлива. А я был счастлив с первых минут твоего рождения, мир мой преобразился тобой, я наслаждался им и был доволен судьбой, а потом вдруг стал самым бедным человеком на свете, когда вынужден был покинуть тебя...

Тревоги рождения побуждают нас отчаянно стремиться к безопасности, мы тянемся к родителям своим с первых дней, нуждаемся в их любви и заботе, и я был рядом с тобой, оберегал тебя, больше всего на

свете хотел быть твоим защитником, но более делать этого не смогу... Не смогу беспокоиться, поддерживать тебя, когда ты вырастешь и отправишься в школу, не смогу радоваться за тебя, когда первые твои дела будут достойно оценены, не смогу тревожить тебя звонками, когда ты покинешь родительский дом... Меня никогда уже не будет рядом... Прости за первые нераздельные страхи, прости, что не обниму и не согрею тебя, когда будет холодно. Все это разрывает мое сердце...

Ты спросишь: почему? Почему мы должны терзаться и страдать вдалеке друг от друга? Я теперь и не помню, когда начались у меня приступы болезни, но диагносты настаивали на лечении, обещали, что оно займет всего неделю, а оказалось — всю жизнь... Прогнозы неутешительные, скоро память совсем оставит меня, и мир, и все, что в нем есть, поглотит темнота незнания, а главное, исчезнут воспоминания о тебе, о нас...

Знаю, если бы ты узнала о моем недуге, ты бы захотела посвятить жизнь заботе обо мне, день за днем доказывая мне любовь и преданность. Но самое дорогое есть время, а ты талантлива и должна жить, не оглядываясь на чью-то немощность. Потому и решили мы с мамой все скрыть от тебя. Никогда не упрекай ее за это, любит она тебя безмерно, оберегай и поддержи ее в старости.

А у меня совсем нет времени, я приговорен, и вряд ли смогу отправить другое письмо тебе позже... А потому хочу написать теперь тебе о главном, договорить, дообнимать и добаловать тебя. Хочу, чтобы ты, не зная ласки моей, проснулась однажды, много лет спустя, опьяненная моей любовью.

Помни, что лучшее мое творение — это ты! Тебе предначертана заметная судьба, все твои начинания будут отмечены успехом, ведь в день твоего рождения небесные светила расположились особым образом, и случилось затмение. Знай это, и будь всегда веселой и ласковой.

Ищи общества только приятных тебе людей, делай только то, что любишь, и только с любимыми. Не старайся казаться тем, кем ты не являешься, и никому ничего не доказывай. Не упускай случая сделать добро, и будь всегда всем довольна. Тогда и мир будет любить тебя и никогда не обидит, будет заступником твоим в минуты тоски и ненастья.

Не бойся любви, отдавай себя чувству до конца, только так ты узнаешь, что такое быть живой. Не будь недоступной смоковницей, зреющей вдали от людей: плоды ее, со временем, достаются вóронам. Разжигайся мыслями, читай и заучивай стихи страстные, рассматривай чувственные картины и античные статуи. Носи одежду модную, обращай на себя внимание, увлекай походкой и жестами. Слушай всякую от молодых людей пустяковину о том, какие у тебя глаза, волосы и губы,

чтобы потом в старости вспоминать, зажмурившись от удовольствия, мимолетные встречи и долгие свидания.

Разумней сперва избранника своего хорошенько, не обрекай себя на любовь сразу. А главное, беги от характеров, для любви губительных. Худой выбор сделает всю жизнь твою несчастной. Меня не будет рядом, чтобы дать тебе благословение, но предостеречь от ошибок я могу — используй советы отца твоего себе во благо.

Опасайся стариков и волокуш, осуждающих страсть женитьбы ранней. Присуща им только округленность физическая, пороки нравственные и оседлость мужчин состоятельных. Такой тип принимает женщину за декоративную собаку, за прекрасное украшение для стола, за предмет интерьера, не считает ее существом разумным и скоро пресыщается выбором, переставая интересоваться ее судьбой.

Иной опасный характер узнаешь издали по запаху, зловонный дух его нельзя сносить без отвращения. Этот тип очень слаб, ленив и досужен, не приспособлен для счастья семейного. Душа его вялая поддакивает всему дурному и не имеет никакой к порокам резистенции. Такой тип, употребив дозу спиртного, не может уже остановиться, а, напиваясь до состояния животного, впадает в поведение агрессии, хулиганит, теряет контроль, а протрезвев, всегда сожалеет о происшедшем, но ничего не помнит. В обычном состоянии бабень такой имеет характер человека раздражительного, склонного к волнениям. Такой, в конце концов, еще и обвинит тебя в том, что ты загубила его талант, не давая ему никакого применения, свалит все на тебя за то, что ты потакала ему, устраивала его жизнь и заботилась о нем, не жалея себя.

Мы всем на свете обязаны родителям своим, без них не было бы нас. Храни наши с мамой вещи, почитай фамилию и родовое имя, требуй обращения по отчеству, ведь так ведут беседу не только с тобой, но и с родом, а потому и обращаться должно к людям на «вы», на «ты» же можно адресоваться лишь к самым близким или к тем, кому хочешь показать незначительное свое отношение. Уважай предков своих и сторонись тех, кто поступает иначе. Такой тип и скотину бессловесную может называть именами родителей себе на потеху.

Тая, будь девушкой современной. Такая, покидая мужчину, не гибнет от голода, не становится пустоцветом. Она не пристраивается и не приспособливается, ищет особого к себе отношения и понимания, и непременно в своей земле. Не должно стремиться к союзу с иноземцем, тем более выходить за него замуж. Как ты узнаешь, порочен или честен он? В его мире ты будешь одна среди чужих, ни одной родной души рядом, никто не утешит и не защитит тебя в случае несчастья. В конце концов, он обманет и покинет тебя.

А более всего опасайся диких мужчин, выходцев из примитивных сообществ. Их женщинам должно стесняться тела, прятать его от людей и от солнца, сидеть проданной отцом на привязи. А современная девушка, напротив, рождается, чтобы жить по своей воле, чтобы и после замужества по-прежнему нравиться и привлекать, она не должна становиться жертвой или добычей, не должна испытывать страх или смирение.

Важно, чтобы муж был счастливым человеком, в союзе счастье требуется на двоих, а где обойденный найдет его еще и для тебя. Пусть избранник твой работает за обоих, нежит и балует тебя, избавляет от трудов тяжких. Красота его поступков должна соответствовать красоте телесной. Помни, дурной характер и скудные нравственные черты отмечаются в человеке через видимые внешние признаки, не всегда явленные взору невнимательному...»

(В этом месте мама пометила на полях, чтобы Тая не воспринимала дальнейшие слова отца всерьез — это, мол, невнятные экивоки).

«Так вот, нервный тик, судороги лица, косоглазие и прочие деформации глаз, болезни речи, такие, как шепелявость, картавость и заикание, лошадиные, торчащие вперед зубы, волчья пасть, заячья губа, открывающиеся наружу или вперед ноздри, чрезмерная малость ушей или резкое их оттопыривание, значительные различия жевательных и мыслительных частей головы, и сама голова седлообразная или ладьеобразная, любые видимые диспропорции тела, также и малый рост, родимые пятна, чрезмерная волосатость лица и тела, присущая более животному, чем человеку, — все это признаки вырождения. Союз с субъектами такими ведет к утрате радости в жизни, приводит к разочарованию, плоды от них рождаются больными, слабыми, редко душевно здоровыми. Большое число преступников порождается ежедневно из их среды... Много их теперь и вокруг меня — безумных, жадных, трусливых, всегда готовых на предательство. Слушай отца, Тая, слушай и сторонись.

Теперь о детях. Союз любящих всегда вознаграждается появлением ангелов. Держа на руках детей своих, мы обнимаем всех не родившихся еще внуков и правнуков. А потому балуй их, не обращай внимания на дурные поступки, огради их от сирости и недовнимания. Подавай пример, стань учителем, помоги найти себя и укажи дорогу к цели. Сам я покинул тебя слишком рано...

Звуки... кто-то идет по коридору, совсем не время для таких шагов... Милая моя, наверное, это ко мне... Как выразить мне теперь любовь к тебе, в этих последних, что успею написать, неуверенных словах... Слишком сильно я тебя люблю... Приближаются... они у двери, ключ царапает замок...»

Далее буквы неразборчиво расплзались по бумаге.

Тая плакала, последние строки потрясли ее. Мама... как она могла оставить там его одного!.. В это время такси остановилось. Какое-то мерное бормотание внезапно донеслось до Таи, это был не дождь и не шум двигателя. Тая поняла, что таксист обращался к ней, и, судя по всему, уже довольно долго.

— Приехали, — нетерпеливо проговорил водитель.

Тая только теперь обратила на него внимание. В салоне было темно, но свет приборной панели позволил ей разглядеть сидящего за рулем мрачного, тощего, испещренного морщинами старика с неопрятной бородой, с неподвижными печальными глазами. Он внимательно смотрел на Таю, впавшие щеки его лихорадочно подергивались, слабые худощавые руки безучастно лежали на руле. Тая замешкалась, выглянула в окно и, улыбнувшись, обратилась к нему:

— На улице холодно и дождь... Мне нужно забежать в этот книжный, всего на несколько минут, не могли бы вы подождать? Я только куплю подарок для папы, и мы отправимся дальше. Мне не хотелось бы вызывать другую машину.

— Я подожду, — равнодушно ответил таксист.

Руки его опустились, двигатель затих, в салоне стало глухо. Тая почувствовала внезапный холод и, подхватив пальто, выбежала на улицу.

2.

— Ты не приедешь... — глухо звучал голос в телефонной трубке.

По заброшенной улице где-то на краю города, пытаясь защититься от дождя и ветра, шел мужчина. Сгустившаяся мгла, отвратительная непогода и постылый разговор совсем извели его.

— Я еду, сказал же тебе! Где-то здесь должно быть это клятое такси. Вот оно, подожди, — торопливо проговорил мужчина, забираясь в машину.

— Где тебя носит, приятель? Двигай, да побыстрее, мне давно надо быть в другом месте... Видишь, ладная моя, я уже еду. Скоро буду у тебя. Ты ведь хочешь, чтобы я оказался рядом?

— Я не знаю... Ты обещал приехать еще днем!

— Прекрати, давай мы не будем ссориться из-за этого. У меня были дела, а тебе надо успокоиться и думать о главном.

— Да, я так и хотела сделать. Но ты не приехал, и я волнуюсь.

— Перестань, я еду. И буду рядом все время... — мужчина рассерженно обратился к водителю:

— Ты спишь, что ли? Приятель! Поезжай быстрее, меня ждут! Чего встал?

Таксист оглянулся на пассажира, пальцами убрал с лица растрепавшиеся волосы, щеки его зашевелились, губы исказила гримаса, глаза лихорадочно засверкали в темноте, из горла вырвался тихий сип:

— Беда у меня...

— Чего скрипишь! О чем ты? Поехали! Ладная моя, слышишь, какой подлец — люди спешат, а он со своим горем лезет!

— Может, стоит послушать его... Иногда разговор лучше любого средства помогает, — ответил голос в трубке. — А с нами... что будет с нами потом? Наш мир останется прежним?

— Да, ладная моя, все будет хорошо. Мы сразу отправимся в путешествие, вдвоем, все будет только для нас.

— Вдвоем... — тихо ответила она. — Я хочу знать, что там у тебя происходит, включи громкую связь.

— Как хочешь. Эй, приятель, так что у тебя стряслось?

Водитель обернулся, руки его дернулись, и такси налетело на бордюр. Старик вздрогнул, резко мотнул рулем и выправил машину.

— Куда жмешься! Убить меня хочешь? Смотри на дорогу! — закричал мужчина.

— Виноват... Потерялся я со вчерашнего дня, жену схоронил...

— Как так?

— Да никто толком и не объяснил. Провалилась в лихорадке дома несколько дней, вызвал докторов, увезли. Мне в смену выходить, а как отработал, справляться стал, сказали, что и нет ее уже в живых. Операция...

— Холера тебя возьми, свалился ты на мою голову... — заругался мужчина и, выключив громкую связь, продолжил разговор:

— Милая, не слушай его! Кто знает, что там у нее было. Твоя процедура не опасна, естественна даже, я бы сказал. Ты ничем не рискуешь.

— Не рискуешь только ты! — ответили в трубке. — Я же очень многим рискую. Это ты хотел, чтобы было так, а я теперь уже ни в чем не уверена! Ты говорил, что это мешает нам! И нет, не будет больше никакого счастья, никакой у нас радости!

— Не надо бояться, многие проходили через это, а потом наслаждались свободой. Ведь я говорил тебе, что если ты не хочешь...

— Да, я поняла, я и не хочу... Приезжай, и мы обсудим это.

— Хорошо, — ответил мужчина и положил трубку. — Останови здесь! — крикнул он водителю.

— Не поедете дальше? — спросил таксист, сбавляя скорость.

— Нет, — ответил мужчина, когда такси остановилось.

Он распахнул дверь и выглянул наружу. Там свистел ветер, но дождя не было, одна непроглядная тьма.

— Почему нет ночных фонарей, такая хмарь на душе, а тут еще... Сколько с меня? — спросил он, выбираясь из машины.

— Не нужна мне твоя плата... И ты никому больше не нужен. Сам ты через три дня вот как будешь! — и старик сложил на груди руки крестом. — Бывают встречи судьбоносные... — просипел он жутким голосом.

Такси, зарокотав двигателем, уехало прочь, а мужчина остался на обочине, вокруг — ни людей, ни деревьев, только ветер и тьма крошечная. Он хотел было окликнуть водителя, расстроить его скверное предсказание, но потом решил вызвать другую машину. Однако в телефонной трубке не было сигнала. Тогда, подняв воротник плаща, он зашагал вдоль дороги, вслед за удаляющимися и уже едва различимыми сигнальными огнями такси...

А такси катило по дороге, старик распахнул настежь окна, волосы и борода его растрепались на ветру, гортанный скрип еле слышно доносился из горла. Внезапно из его правого рукава показался черный усик, затем второй, неизвестное существо стало ощупывать ими тыльную сторону ладони старика, и вскоре появились длинные жгутики-лапки, а за ними — красное тело и жуткая голова с двумя парами боковых глаз, нервных, непрерывно вращающихся. Добравшись до костяшек кулака, существо замерло, его усики трепетали на ветру под звуки гортанного скрипа его хозяина.

Вдалеке показались огни города, машина выехала из слепой мглы на старый мост и зашуршала по его поверхности, оставляя позади темноту, пустоту и недавнего пассажира.

Ночь стояла погибельная, завывал ветер, на небе сгущались тучи, собирался дождь. Двое молодых людей — один крупного, другой более скромного сложения, и изящная, легкая, с виду совсем невесомая девушка спешили, перебраниваясь и громко стуча ногами по тротуару. Парни то и дело выхватывали друг у друга руку спутницы, раскланивались перед ней и старались приобнять. Такси остановилось напротив них, задние двери распахнулись. Увидев это, парни загоготали. Девушка забралась в салон машины первой, а двое молодых людей стали одновременно протискиваться на сиденье следом за ней. Крупный оказался проворнее и, отпихнув скромного на обочину, захлопнул за собой дверь. Скромный разозлился и, стукнув кулаком по крыше машины, обежал вокруг нее и сел на заднее сиденье с другой стороны.

— Вовремя ты, папаша. Двигай в центр! Ну и видок у тебя! Что за рванину на себя надел? — и молодые люди захохотали.

Двигатель заурчал, набирая обороты, и в тот же момент начался дождь. Крупные капли, разгоняясь на ветру, разбивались о крышу, капот и стекла машины.

— Ливень начинается! — сказал крупный, прижимаясь плечом к спутнице.

— Куда давишь так, грубиян! — заверещала, возмущаясь, девушка.

— А что, приятель, — обратился крупный к скромному, — тесновато нам сзади втроем? В такую погоду по мокрой дороге, да с перевесом!..

— Верно! — отвечал ему его товарищ. — И вправду, машина с трудом везет! Лишний в нее забрался, не к месту один из нас... Ты-то, кроха, совсем не в тягость!.. — подмигнул скромный девушке и захохотал.

Тут крупный привстал с места, перегнулся через подругу, схватил за грудки приятеля и, вдавив в дверь, грозно сказал:

— А раз не к месту, тогда выкину тебя на ходу! Сумеешь упасть правильно?!

Пытаясь высвободиться из цепкой хватки, скромный, глядя приятелю в глаза, ответил:

— Пожалуй, не сумею! — и продолжил дребезжащим голосом, пытаюсь покрепче ухватить крупного за одежду:

— Но и ты тогда следом за мной полетишь...

— Да что за дурни вы непутевые! — расцепила парней девушка.

Те не сопротивлялись, и через какое-то мгновенье все трое хохотали без умолку.

— Веселые попутчики, — пробормотал про себя старик и, беззвучно двигая губами, стал разглядывать пассажиров в зеркало. Рот его искрился, а из горла послышался гортанный скрип.

— Посмотрите-ка! Видать, приглянулась трухлявому кроха наша, — обратился к друзьям крупный и с силой ударил в спинку водительского сидения кулаком.

— Чего сипишь, старый?

— Горе у меня, жизнь моя кончилась, надорвалась...

— Друзья, когда же он нас довезет? Кому ты нужен со своими «кончилась» да «надорвалась»? Прибавь-ка! А то наkostenяю!

И крупный еще раз треснул по спинке сиденья, да так, что подголовник глухо стукнул старика по голове. Побледнел старик, губы его от натуги побелели, он взглянул в зеркало на пассажиров недобрым взглядом, но ничего не сказал, только сильнее вцепился руками в руль. Машина стала стремительно набирать скорость.

Крупный тем временем крепко прижался плечом к девице, сжал ее руки в своих и взволнованно спросил:

— А что, кроха, рассуди друзей своих. Тяжело нам вдвоем за тобою ухаживать. Не пора ли одному из нас исчезнуть?

— Нет, не быть мне вашей, — отвечала она игриво. — Никак нельзя, забудьте и не терзайте меня.

— Что за беда? — возмутился крупный. — По ком сердце стонет?

— А по том стонет, кто от беды меня спасет! Да вряд ли такие, как вы, для дел опасных готовы!

— Что ты все вокруг да около? Расскажи... Я, ну, мы, все для тебя сделаем, все порешаем, — заголосил, выламывая от волнения руки, скромный.

— Ладно, слушайте, — ответила она. — С бабкой я живу. Строгая такая она. Да и не бабка она мне, а мать, поздно меня родила, все собой занималась! Так вот, извела она меня, окаянная. Уже который десяток ей, а все бегают, как заводная, и немощи на нее нет. А меня зажимает во всем, хоть я у нее и единственная. Погубит она меня, замучит! Всё книги древние какие-то читает! — и девица изобразила болезненную гримасу на своем лице, а парни глядели на нее в изумлении, затаив дыхание. — Говорит, что придет за моей душой, когда ее не станет, а потому должна я заботиться о ней, да себя не щадить, ради доброго ее благополучия.

— А ты? — спросил скромный.

— А что я? Слушаю ее и все выполняю, что просит. Но домой как приду, всякий раз сердце леденеет. А она сурово так смотрит, слова ласкового не скажет, ничем не умягчишь ее и не наладишь. А на днях сказала, что в тайгу уехать хочет и меня с собой возьмет, травы собирать и вести жизнь затворную...

— Так брось ее, не ходи домой! Мы всем тебя обеспечим! — уговаривал крупный.

— Не могу я уйти, худо мне будет. Уходила уже как-то раз, да потом лежала в недуге без памяти, пока в дом к ней меня не вернули! Тогда и сказала она мне, что не спасет меня от проклятия материнского ни место, ни молитва, ни человек. Что велико ее слово! И если я сама себе не душегубка, то должна быть рядом...

И девица побледнела, точно приговоренная.

— Что же делать? Как же быть? — повторяли наперебой парни.

Девушка смотрела то на одного, то на другого, видно было, что внутри нее отчаяние борется с решимостью. Она сжала крепко руки парней и проговорила голосом, окончательно и бесповоротно подчинившим волю парней:

— Слушайте, что я скажу. Укротить старуху мою одним только способом можно. Придушить ночью, только чтобы уста и очи обязательно прикрыты были, тогда слова черные с губ ее не слетят, а глаза порчу не посеют. Затем надобно в ковер, бечевками стянуть покрепче, а после тело и дух предать огню, а пепел рассеять в полнолуние на перекрестке четырех дорог. Так мне знающий человек сказал. Мистик...

В этот момент такси резко бросило сперва в одну сторону, потом в другую, пассажиры сбились в кучу, крупный стукнулся сильно о стекло

головой. Но водитель сумел удержаться на дороге, вывел машину из виража и, сбросив скорость, почти остановил ее.

— Все в порядке? — спросил у друзей крупный. — Ты, что, трухлявый, смерти нашей хочешь?!

Парень схватил старика за шею сзади, намереваясь придушить. Но пальцы его провалились сначала во что-то мягкое, а потом коснулись чего-то твердого. Ему показалось, что он достал руками до костей старика. Он испуганно расцепил руки, отдернул их и затих, ничего не сказав товарищам.

Какое-то время они ехали в тишине, затем молчание прервал скромный:

— Я согласен, сделаю это для тебя.

Крупный молчал, и тогда девица обратилась к нему:

— А ты? Молчишь? Ладно, видать, не для тебя мое счастье...

Достав из-за пазухи ключи, она хотела придвинуться ближе к скромному, но крупный остановил ее:

— Я тоже согласен, давай ключи, он все равно без меня не справится...

В этот момент машина остановилась.

— Выметайтесь, негодяи! Живо! — зловеще захрипел старик.

Он обернулся. Страшен был его вид: безумные глаза, всклокоченные волосы, искривленный, ослабившийся, с огромными клыками рот, в левой руке — скрюченная, заточенная с двух концов короткая жердь, а на правом плече — омерзительный паук.

Парни вскрикнули и кинулись вон из автомобиля, позабыв про подругу. Услышав ее визг, крупный бросился обратно и выволок ее за руку на улицу. Двери такси захлопнулись, машина тронулась, забирая с собой единственный на всю округу источник света. Вскоре молодые люди остались в полной темноте.

— Вот ведь недоумок, псих какой-то. Куда он завез нас? Не видно ничего... — причитал скромный.

Девушка безутешно плакала. Крупный молчал.

— Успокойся, все нормально. У меня телефон не работает, проверьте свои. Мы выберемся, мы не могли далеко уехать, — успокаивал подругу скромный.

— Не выберемся мы никуда! Когда вы меня бросили, он просипел мне, что встреча наша судьбоносна, и через три дня мы вот так будем! — и, продолжая рыдать, она скрестила на груди руки.

3.

Тая вернулась из магазина. Мысли ее были возбуждены, возможность скорой встречи с отцом согревала ее, но еще больше она радовалась

своему приобретению — подарку, который должен был понравиться отцу. Это был его любимый роман — свежее издание, с особенным переводом — сделанным ею. Она вспоминала дни, когда они вместе с ним перечитывали роман, страницу за страницей, вникая в смыслы и повороты сюжета. Она помнила все важные для него места и все рассказы о неточностях, допущенных в переводном издании. Эти вечера с папой хранились в ее памяти, и годы спустя, читая роман в оригинале, она сама перевела его и добилась публикации. Ей казалось важным сделать это в память о папе.

Такси ожидало ее. Рядом стоял угрюмый, укутанный в плащ от дождя дворник, держащий в руках метлу. Он сгонял грязь, листья и прочий мусор в потоки воды, стремившиеся в расположенные неподалеку стоки. Что-то странное было в этом дворнике, который работал в такую непогоду, но не был этим ни увлечен, ни раздражен. Внимание его было занято иным: он силился разглядеть, что находится в салоне стоящего на обочине дороги такси. Увидев приближающуюся к машине Тая, он неуверенно обратился к ней:

— Извините, который теперь час?

Тая взглянула на часы и ответила.

— Не садитесь в эту машину, дождитесь другой, — взволновано проговорил он, — нехорошая это машина, гибельная.

— Ну, что вы, дядя, пугаете незнакомых людей! Мы уже много вместе проехали с водителем, он любезно ждет, а вот вы совсем промокли. Ступайте домой, а то так и простыть можно.

Тая улыбнулась и нырнула в такси. Двигатель зарокотал, и машина тронулась с места. Долго еще дворник провожал взглядом ее сигнальные огни, расстраиваясь и одновременно сердясь на что-то.

Тая перечитывала письмо отца, его прощальные строки превратились для нее в слова любви и надежды. В магазине она дозвонилась до клиники, в которой лежал отец. Узнала, что он жив, но, так как время посещения закончилось, увидеть его можно будет только завтра. Сегодня нельзя, но, учитывая обстоятельства, медсестра пообещала поговорить с главным врачом и перезвонить, если тот разрешит посещение. Тая решила ехать в клинику в любом случае. Даже если ей не дадут встретиться с отцом, она устроится где-нибудь недалеко на ночь и завтра с самого утра отправится к папе.

Внезапная музыка будто пробудила ее. Тая посмотрела в зеркало заднего вида и увидела в нем грустные, мутные глаза водителя.

— Праздник сегодня, — тихо сказал он.

Тая хотела уже согласиться, но он продолжил:

— Иконы Божией Матери! А эта музыка — молитва. Особенное время теперь, время смирения и поминовения.

Тая поняла, что иной, совсем не такой, как у нее — не ясный, — у водителя праздник.

— Я всю дорогу разговаривал с вами, а вы не проронили ни слова... — с укором проговорил он.

Тая хотела было рассказать ему о себе, поделиться новостью, которая перевернула ее жизнь, но что-то ее остановило.

— Ну, да это ничего. Теперь каждый раз так, бесполезно искать у людей сочувствия. Чужие мы друг другу. И я здесь чужой, приехал из далекого города, но теперь уже не покину эти места... — и он тихо-тихо заплакал.

— Что с вами? Что не так? Что такое с вашим городом? — осторожно спросила Тая.

— Все не так... Близких моих там нет, навсегда они останутся тут, а потому и я никуда не уеду. В столицу мы приехали за помощью. Говорили, случай сложный, там помогут, — больные, воспаленные глаза разглядывали в зеркало Таю, следили за ее реакцией. — И вот мы приехали, назначили операцию. Все приготовления прошли хорошо, говорили, что жена чувствует себя нормально, а ребенку не терпится появиться на свет, а больше мне знать не положено, да и вообще особо со мной не церемонились... По квоте мы были, пустые карманы — так они называли нас за глаза...

Тая тихо слушала, ей захотелось помочь, утешить, успокоить, хотя бы выслушать водителя. А он продолжал:

— Время шло. Отведенные часы давно истекли, а врачей все не было и не было. Никто ничего не говорил. И вот вечером появился доктор, вид у него был уставший и обеспокоенный. Он сказал, что операция прошла скверно, лекарства не подошли, а только вызвали болезненную реакцию, но врачи сумели сохранить жизни — и матери, и дочери. Они очень слабы, но скоро их можно будет увидеть... — водитель прервал рассказ с улыбкой, но что-то болезненное, странное было в этой улыбке.

— Ночь мы провели вместе, и я не мог налюбоваться своими бело-головицами, чувствовал тепло, вдыхал ароматы, мое счастье было безбрежным. А утром появился доктор, сказал, что не может более нас здесь держать, что мы должны были выписаться еще вчера, что мы по квоте, а у них очень большая платная очередь, что теперь нас перевезут в простую районную больницу — без особых условий, но чистую и с прекрасными специалистами, которые обеспечат уход и матери, и ребенку.

Мы не спорили, были благодарны... И вот я смотрел, как моих дорогих разместили в салоне скорой помощи, как жена прижимала дочку к груди, как глаза ее улыбались и плакали одновременно, а губы шеп-

тали что-то о любви. Я следовал за ними на машине, мы остановились на перекрестке, лучи солнца щекотали глаза, заставляли их танцевать и подмигивать, день был чудесный, и мысли мои гуляли где-то далеко. Загорелся зеленый, мы тронулись — и картину прекрасного утра внезапно сменила налетевшая откуда-то тень. Звуки скрежета и автомобильных сигналов заглушили трели птиц, что-то грубо подбросило мой автомобиль, острая боль пронзила сначала плечо, а потом и все тело, руль выскочил из рук, и меня кинуло куда-то назад. Я ничего не осознавал, думал только о машине скорой помощи... Потом я потерял сознание, а когда пришел в себя, пожалел, что не оставил тогда этот мир навсегда. Родных своих я больше не видел...

Тихо и глухо вдруг стало в машине, водитель приоткрыл окно, и влажные, прохладные потоки ветра закружились вокруг Таи, заиграли ее волосами.

— Мне очень жаль. Сочувствую вашей утрате, знаю, как горько и больно переживает сердце уход самых близких, — негромко проговорила Тая.

— Знаешь... тебе жаль... нет, не думаю... Вижу, что мыслями ты далеко, радостное что-то у тебя случилось, счастье внезапное произошло. А я вот теперь совсем не могу вынести чужого счастья, предпочитаю ему гибель, нужду, трагедию. Улыбки других людей сжимают сердце мое беспощадно, сбивают дыхание, путают мысли. Плохо мне, устал. С жизнью хочу расстаться...

Эти слова страшным холодным дуновением прошлестели по телу Таи. Сердце ее насторожилось. Только теперь она обратила внимание на бережно разложенные водителем на приборной панели машины вещи: смятую фотокарточку, почерневший изогнутый крест и мутного цвета пинетку. Счетчик был выключен, навигатор не работал. Тая убеждала себя, что водитель едет по памяти, а не наугад. Она выглянула в окно — город окутала мгла, вокруг была незнакомая местность. Тая заметила, что машина двигалась по мокрой дороге очень быстро. Нужно было срочно что-то предпринять — что-то, что сделало бы ситуацию опять привычной, обыденной — ради встречи, ради папы.

— Вы пугаете меня. Не стоит о таком думать. Жизнь — главная ценность, которой мы располагаем, как бы повседневно это ни звучало. А память продлевает истории наших родных, пока мы помним их... они живут в воспоминаниях.

Тая пыталась понять, как воспринял водитель эти слова, но тот лишь ссутулился за рулем и склонил голову. И вот он зашевелился:

— Память, говоришь. Что такое память? Это то, что мы знаем о других. А я осознал, что, прожив столько лет с супругой, так и не узнал ее

по-настоящему, так и не поинтересовался, какие она любит книги, чего желала, о чем мечтала в детстве. Я не спросил, как она хотела назвать дочку, довольна ли жизнью со мной. Я даже не знал, какие она любила цветы, и в похоронном бюро не смог сделать выбор, доверив его ритуальной службе. Так какую память я могу о ней сохранить? Зачем жить мне теперь, если не осталось у меня даже памяти...

— Живите делом, — испуганно предлагала Тая, замечая, что скорость их движения все увеличивается, — трудом займите свои мысли и время, вложите боль свою и переживания в творчество, все это вас преобразит, поможет найти смыслы.

— Делом, трудом, творчеством... руки мои опустились. Нет больше ни сил, ни желания. Я и в такси пошел, чтобы найти человека неравнодушного — того, кто выслушает и поймет, человека с сердцем живым, пробудившимся. Но нет таких, не было и не будет. Одни мертвецы кругом. Встречал я только любопытных или безжалостных. В глазах пассажиров своих видел я лишь отражение болезней души человеческой, лишь одни глаукомы да катаракты. Не могу больше смотреть людям в глаза. Да и ты встrepенулась лишь потому, что горе мое задеть тебя может, жизнь свою пожалела...

В это время Тае на телефон поступило сообщение из клиники. Медсестра написала, что отец хорошо себя чувствует, и врач разрешил его сегодня увидеть.

«Папа, милый папа, как это все некстати. Это такси, эти проблемы! Но мы обязательно должны встретиться, я все для этого сделаю...» — думала про себя Тая.

— Это от папы. Мы не виделись с детства, я думала, что он умер, что потеряла его навсегда, и вот он вновь появился в моей жизни. Никогда не знаешь, как преобразится судьба. Сегодня я вновь обрела отца, вернула воспоминания о родительском доме. И вам стоит съездить к себе на родину. Родная земля — особенная. Она оберегает и силы дает.

— Не поеду я никуда, не оставлю своих. Все уже решено...

Машина тем временем влетела на широкий мост, слева и справа раскинулась темная водная бездна, и лишь хлипкие ограждения отделяли дорогу от водной пропасти.

Тая попыталась набрать полицию, но связи не было, потрогала язычок пассажирской двери — заклинило. Открыть ее она не могла, да и выпрыгивать на ходу — опасно.

— Послушайте, я бы хотела, чтобы вы немедленно остановили машину. Да, наша встреча неслучайна, все в этой жизни связано. Вы искали сочувствия, понимания и встретили меня. Я — ваш шанс все поменять, отменить неправильные решения. Идите в храм, в конце концов, пого-

ворите с бабушкой, попросите прощения за мысли свои скверные, за то, что напугали меня. Остановитесь, пожалуйста!

Машина вильнула, завизжали тормоза, и такси остановилось.

— Прощайте, — проговорил водитель.

Тая выскочила из автомобиля под проливной дождь, а такси резко рвануло вперед и быстро исчезло.

Где высадил ее водитель, Тая не знала, но была рада тому, что поездка закончилась. Зачем он все это ей рассказал, что собирался сделать, чем это могло завершиться — она боялась даже думать об этом. А теперь придется долго идти, но ничего, лишь бы не садиться в новое такси.

Она шла по мосту в обратную сторону. Высота открывающейся по обеим его сторонам пропасти ужасала ее. Далеко внизу виднелись выступающие из воды камни, а рядом с ними что-то похожее на желтый крупный катамаран. Странно, кто додумался сплавляться в такое время?.. Тая убеждала себя, что падение с такой высоты стало бы роковым, и хорошо, что все сделалось так, как сделалось. Задул сильный ветер, сигнала в телефоне по-прежнему не было. Тае было холодно и страшно, одежда ее промокла, голова сильно болела, но думала она не о себе, а о папе и о том, что купленная в подарок книга мокнет.

Внезапно впереди появились огни. Это было такси. Тая съежилась и отошла подальше от проезжей части. Такси поравнялось с ней и остановилось. Задняя дверь распахнулась, и она услышала хриплый голос:

— Дурная погода для прогулок. Садитесь, я подвезу.

За рулем сидел седой, бледный старик, совсем не похожий на недавнего водителя. Тая замешкалась, но затем села в салон такси, назвала адрес клиники, объяснила, что спешит, но не хочет рисковать и просит вести автомобиль осторожно. Она также попросила включить печку, и водитель, запросив у нее плату вперед, включил обогрев и начал движение.

— Простите, — обратилась к нему Тая, увидев, что машина следует в ту же сторону, что и прежнее такси, — нам разве туда? Я очень спешу, мне надо встретиться с папой.

— Не беспокойтесь. Это самый короткий путь. Вы обязательно встретитесь. Бывают встречи судьбоносные... — просипел старик.

Его руки крепко сжали руль, а из рукава показались маленькие черные усы.